

На следующий день, ближе к полудню, Линь Дунцин вернулась, закутавшись в плотную от ветра и снега одежду. Она вся продрогла до красноты, брови и волосы полностью покрылись ледяной коркой, но, вываливая из запячного короба целый улов рыбы, она радостно улыбнулась и произнесла:

— Рыбалка — это и правда тяжело, но меня это не испугает.

Она просквозила насквозь, а одежда покрылась льдом, но, не обращая внимания на необходимость переодеться, она поспешно направилась к комнате Е Чжицю.

Бай Цзиньжун как раз дремала у входа, когда Линь Дунцин щелкнула её по лбу. Ледяной холод пронзил тело Бай Цзиньжуна, заставляя вздрогнуть. Открыв глаза, она увидела стоящую перед ней Линь Дунцин, похожую на снежного человека, и фыркнула:

— Опять лентяйничаешь.

Заметив, что Линь Дунцин заносит ногу, чтобы войти внутрь, Бай Цзиньжун загородила ей дорогу:

— Госпожа отдыхает. Не мешай ей.

— Уже полдень, в такое время она всегда давно вставала, неужели заболела? — Линь Дунцин оттолкнула её и шагнула за порог. — Сестрица Чжицю!

Мгновение спустя воцарилась мертвая тишина.

Бай Цзиньжун напряженно сжала руки, не в силах сдержать дрожь.

Линь Дунцин вышла с посиневшим лицом. От неё исходила такая буря ярости, готовая разразиться в любой момент, что все вокруг не смели даже вздохнуть.

Бай Цзиньжун притворилась, будто ничего не знает, подняла на неё глаза и изобразила невинное, растерянное выражение лица:

— Что случилось?

Линь Дунцин с размаху отвесила ей пощечину, а затем разъяренно толкнула дверь и выбежала наружу.

Она посмела ударить меня?! — Бай Цзиньжун скрипела зубами от злости. — Эта мразь подняла на меня руку ради другой женщины?!!

Линь Дунцин созвала всех людей на вилле и потребовала рассказать, где находится Е Чжицю. Узнав, что прошлой ночью Бай Цзиньжун взяла её личную именную бирку и уехала в повозке, она пришла в ярость и приказала всем немедленно отправляться на поиски, разделившись по разным маршрутам: кто не найдет — может не возвращаться.

Выведя под уздцы коня, Линь Дунцин увидела стоящую неподалеку Бай Цзиньжун. На её белой щеке алел четкий след от пощечины.

Линь Дунцин бросила на неё холодный взгляд, вскочила в седло и ледяным тоном бросила:

— Вернусь — с тобой еще посчитаюсь.

Бай Цзиньжун ухватила за полу её халата, запрокинула голову, полная слез, и скорбно произнесла:

— Е Чжицю ведь в душе совсем не любит тебя! Зачем ты так упорствуешь?

Слезы были наполовину искренними, наполовину фальшивыми: в них смешивались показная хрупкость и подлинное отчаяние:

— Неужели в твоём сердце никогда, вообще никогда не было места для меня?

Линь Дунцин взмахнула хлыстом вниз, и тот хлестнул Бай Цзиньжун по тыльной стороне нежной белой руки, оставив красный рубец. Та от боли инстинктивно отдернула руку, а Линь Дунцин, не оглядываясь, пустила коня вскачь.

Бай Цзиньжун тихо вздохнула и осталась стоять на месте. Снежинки падали одна за другой на её черные волосы и равнодушные брови и глаза.

Как холодно. Ветер и снег такие холодные, казалось, они морозят саму её душу.

Бай Цзиньжун легко фыркнула. С чего это она вдруг расчувствовалась из-за этого маленького ублюдка?

В душе перемешалось чувство полного поражения. В прошлых двух жизнях она держала Линь Дунцин под абсолютным контролем, но в этой всё было бесполезно.

Спустя три дня Линь Дунцин вернулась вместе с Е Чжицю.

Кучера, который помог Е Чжицю и Тао Жань сбежать, по её приказу жестоко избили палками: пятьдесят ударов едва не лишили его половины жизни.

Е Чжицю в тревоге и страхе ожидала её грядущего гнева, но Линь Дунцин не сказала ни слова — лишь стала относиться к ней еще лучше, чем прежде.

Вот только у Бай Цзиньжун больше не оставалось ни малейшей возможности приблизиться к Е Чжицю: Линь Дунцин приставила Цуэр охранять Е Чжицю, не отходя от неё ни на шаг.

Линь Дунцин сидела на стуле, глядя на стоявшую на коленях Бай Цзиньжун, и холодно произнесла:

— Говори, зачем ты решила увезти её?

Бай Цзиньжун поморщилась и переступила с коленей на колени — обе ноги совершенно затекли.

— Если еще раз пошевелишься — перелломаю обе ноги, — резко прикрикнула Линь Дунцин. — Неблагодарная тварь!

Бай Цзиньжун выдавила из себя слезы, опустила голову и молча заплакала.

— Не смей плакать! — стоило Линь Дунцин увидеть её слезы, как её сердце слегка смягчилось, но она постаралась сделать голос тверже: — Я тебя еще даже не наказала, чего ты реवेशь?!

Линь Дунцин с громким стуком швырнула хлыст на стол:

— Если не станешь говорить, будешь стоять на коленях, пока не признаешься. Я хочу посмотреть, какую же выгоду ты получила, раз решила помочь ей сбежать.

Услышав это, Бай Цзиньжун поняла, что без признания сегодня не обойдется. Поразмыслив, она обиженно уронила еще пару слезинок:

— Почему я так поступила? Неужели вторая госпожа и правда не догадывается?

— Догадываюсь? — Линь Дунцин зло усмехнулась, схватила хлыст, но, взглянув на её жалкий вид, положила обратно и рявкнула: — С чего бы мне догадываться?! Ты, неблагодарная собачья шкура!!

Подождав, пока эмоции достигнут нужного накала, Бай Цзиньжун подняла голову — как раз в тот момент, когда слезинка скатилась по щеке — и страстно воскликнула:

— Из ревности! Разве ты не понимаешь?

— Ревности? — Линь Дунцин нахмурилась. — Что это значит?

Бай Цзиньжун скорбно произнесла:

— Мое тело и мое сердце принадлежат второй госпоже, но в твоих глазах — одна лишь госпожа! Моему сердцу так больно, словно муравьи грызут его изнутри, не давая покоя ни днем, ни ночью.

— Я завидую тому, что она без малейших усилий завоевала любовь второй госпожи, в то время как я, сколько бы ни старалась, не могу добиться от тебя даже мимолетного взгляда. — Бай Цзиньжун вовремя опустила голову и тихо всхлипнула.

И ей действительно было о чем плакать: она оплакивала то, что любыми способами не смогла развеять одержимость Линь Дунцин; оплакивала потерянное тело и то, как сильно она прогадала.

— Ревность, — произнесла Линь Дунцин. Разве это чувство могло быть ей незнакомо?

Каждый раз, когда она видела Е Чжицю, сияющую улыбкой рядом с Линь Цзяньхэном, её сердце разрывалось от боли, охваченное безумной тоской.

— Но ты... всего лишь служанка, — сказала Линь Дунцин. — Ты никогда не сравнишься с ней и никогда не станешь тем человеком, что займет место рядом со мной.

Линь Дунцин вздохнула:

— Вставай. — Она постучала пальцами по столу. — Пока ты ведешь себя смирно, я не обижу тебя. Но если ты снова устроишь глупость, не вини меня за бессердечие.

— Бессердечие... — Бай Цзиньжун вдруг усмехнулась. — Ты хочешь сказать, убьешь меня? Перебьешь всех, кто встанет между тобой и Е Чжицю? Это твой способ?

— Замолчи! — Линь Дунцин подошла, сжала её подбородок и холодно бросила: — Не испытывай мое терпение.

Бай Цзиньжун вдруг почувствовала невероятную усталость. Слова Линь Дунцин дали ей понять: пока жива Е Чжицю, избавиться от этой одержимости просто невозможно.

— Отныне будешь сторожить во внешнем дворе. Бездельничать во внутреннем запрещено, и тем более — приближаться к сестрице Чжицю. — Линь Дунцин, державшая хлыст, помедлила, но всё же взмахнула им. Раздался свист рассекаемого воздуха, хлыст обвился вокруг руки Бай Цзиньжун, одежда вмиг разошлась клочьями, и от жгучей боли у неё едва не брызнули слезы,

а на нежной белой коже проступил яркий красный рубец.

— Этот удар — тебе напоминание. Если будет второй раз, получишь не один удар, а пятьдесят.
— Сжав хлыст, разъяренная Линь Дунцин толкнула дверь и вышла.

Бай Цзиньжун обессиленно опустилась на землю, сжимая саднящую руку, и долго сидела, опустив голову.

Спустя месяц спокойной и размеренной жизни Е Чжицю внезапно потеряла сознание.

Бай Цзиньжун как раз убирала снег во внешнем дворе, когда увидела, как Тао Жань ведет к внутренним покоям лекаря, и поспешно спросила:

— Что случилось с госпожой?

— После полуденного сна ей вдруг стало плохо. Едва она встала с ложа, как упала в обморок, — встревоженно ответила Тао Жань. — Хозяина нет, я побежала за лекарем, мне некогда.

К сумеркам, когда Линь Дунцин вернулась на виллу, новости об обмороке Е Чжицю до смерти испугали её, и она со всех ног бросилась проведать её.

Е Чжицю сидела у окна, погруженная в задумчивость, а еда на столе оставалась почти нетронутой.

— В чем дело? Как ты упала в обморок? Что сказал лекарь? — Линь Дунцин в тревоге ухватила её за руки. — Ты же пила отвар для восполнения ци, который варили в последние дни, как же ты потеряла сознание?!

Е Чжицю молча смотрела в окно. Привыкшая к этому, Линь Дунцин достала несколько коробочек:

— Я спускалась сегодня с горы и купила тебе несколько украшений, взгляни, нравятся ли тебе?

— А еще твои любимые хрустящие лепешки. Через пару дней я позову старого Чжоу, и он специально для тебя их напечет, тогда ты повеселеешь, правда? — Линь Дунцин заискивающе заглянула ей в глаза. — Ты в последнее время так мало ешь, совсем исхудала.

Е Чжицю не обратила на неё внимания. Линь Дунцин, ничуть не смутившись, улыбнулась:

— Сначала поешь, я загляну позже, чтобы твоему аппетиту не мешать.

Она уже собиралась повернуться и уйти, как вдруг услышала голос Е Чжицю:

— Побудь со мной за ужином.

— Хорошо! — Линь Дунцин резко обернулась и польщенно уселась рядом, сияя от радости и глядя на Е Чжицю. — Я велела повару приготовить для тебя куриный бульон, выпей немного.

Е Чжицю взяла пиалу, слегка остудила его и выпила до дна.

— Не спеши, подавишься, — глаза Линь Дунцин изогнулись в полумесяцы. — Если тебе нравится, я завтра снова велю повару сварить. На что бы ты ни сердилась, сначала поправь здоровье.

— Когда окрепнешь — можешь хоть бить меня, хоть ругать, — Линь Дунцин положила ей еды. — Ешь побольше.

— Выпив лекарство, выписанное лекарем Тао, мне стало намного лучше. Я хочу прогуляться, — произнесла Е Чжицю. — В саду за горой расцвели сливы, хочу пойти посмотреть. Запертая целый день в четырех стенах, я ужасно заскучала.

— Хорошо, раз хочешь — я пойду с тобой, — согласилась Линь Дунцин. — На улице холодно, но несколько дней назад я подстрелила белую лису, мех у нее толстый-претолстый. Думаю, шубка уже готова, завтра принесу, наденешь — точно не замерзнешь.

Заметив, что Е Чжицю слегка кивнула, Линь Дунцин сжала её руку и радостно воскликнула:

— Сестрица Чжицю, всё, чего ты пожелаешь — хоть луну, хоть звезды с неба, — я всё для тебя достану!

Е Чжицю опустила глаза на их соединенные руки, чуть заметно улыбнулась и произнесла:

— Хорошо.

С тех пор как отношение Е Чжицю к Линь Дунцин изменилось в лучшую сторону, улыбка не сходила с лица последней. Она радовалась каждому встречному, отчего обитатели виллы наконец смогли вздохнуть с облегчением.

Исключением был лишь один человек.

Бай Цзиньжун лепила снеговика из сугроба, который только что расчистила во дворе. В бытность свою в клане Шэн в Деревне Люцао она никогда не видала такого глубокого снега,

поэтому, увлеченная процессом, она согнулась над снежной фигурой.

Как вдруг перед её глазами вырос чей-то остроносый, крысиный лик:

— Беглянка, одна забавно проводишь время?

Бай Цзиньжун опустила голову и продолжила возиться со снегом, игнорируя его. Этого человека звали Хо Ци, он стоял на страже у ворот внешнего двора и обладал весьма вороватой физиономией; с тех пор как она переселилась во внешний двор, он то и дело отирался поблизости.

Прожив три жизни, Бай Цзиньжун прекрасно знала, на что рассчитывает Хо Ци, и достаивать его внимания не собиралась.

Третья жизнь

Бай Цзиньжун продолжала возиться со снеговиком сама по себе: воткнула в голову два камешка вместо глаз, палочку — в качестве недовольно скривленного рта, а в руку вставила суковатую ветку, напоминающую плеть, которой её вечно били.

— Говорят, тупую девчонку из внутренних покоев перевели во внешний, а я смотрю — не такая уж она и тупая, — Хо Ци схватил её за руку. — Позволь брату приласкать тебя, ладно, сестрица Бай?

Сторожа ворот внешнего двора обладали кое-какими навыками боевых искусств, и силы у Хо Ци было не занимать. Бай Цзиньжун не удавалось вырваться, и ей оставалось лишь испуганно пригрозить:

— Если не отпустишь, я стану звать на помощь! Я служанка хозяйки виллы, не смей распускать руки!

Хо Ци прижал её прямо к сугробу. Глядя, как разваливается снежная фигура, над которой она так долго трудилась, Бай Цзиньжун в отчаянии принялась брыкаться:

— Ты сломал моего снеговика!

— Завтра брат слепит тебе нового, — Хо Ци дернул ее за руку и попытался увлечь за собой в комнату, но Бай Цзиньжун вцепилась ему ногтями в глаза, заставив взвыть от боли.

— Дернешься еще раз — прирежу твою сучью душонку! — взъярился Хо Ци, выругавшись от боли.

Но в этот же миг у шеи стало холодно: острый, ледяной клинок уперся прямо в его кадык.

Оглянувшись, Хо Ци вмиг лишился сил в руках. Бай Цзиньжун плюхнулась на землю в позе перевернутой черепахи и принялась жалобно стоять гримасы от боли.

— Пощади, госпожа! — Колени Хо Ци затряслись, ноги подогнулись, и он рухнул на колени, утыкаясь лбом в землю.

Линь Дунцин посмотрела на раскорячившуюся в снегу Бай Цзиньжун и криво усмехнулась:

— Четырехлапая черепаха.

Затем клинок Линь Дунцин скользнул вниз, останавливаясь у пояса Хо Ци:

— Еще раз устроишь беспорядки на вилле — отрежу то, чем думаешь.

Хо Ци задрожал от страха, клянясь, что больше никогда не посмеет.

— У меня сегодня хорошее настроение, так что твою собачью жизнь оставляю при себе. Ступай получить тридцать палок, — Линь Дунцин убрала меч и перевела взгляд на Бай Цзиньжун, которая с трудом выбиралась из сугроба. Поддев её носком сапога, она заставила только что вставшую Бай Цзиньжун снова свалиться носом в снег, перемазавшись с головы до ног, после чего гордо зашагала прочь.

— Линь Дунцин, ты сама черепашье яйцо! — взбешенная Бай Цзиньжун скатала снежок и швырнула ей в спину, но Линь Дунцин, казалось, имела глаза на затылке — легко увернулась, а взмахом ножен подбросила целое облако снега, окатив Бай Цзиньжун с ног до головы и заставив взбодриться.

Линь Дунцин в последнее время цвела и пахла: Вилла Пересекающихся Мечей завоевывала всё больший авторитет в мире цзянху, отношение Е Чжицю переменялось, и они стали еще ближе друг к другу.

На улице свирепствовала зимняя метель, а в комнате от растопленной жаровни было так жарко, что можно было ходить в легкой одежде. Подперев рукой подбородок, Линь Дунцин смотрела на Е Чжицю, которая была занята живописью, и с улыбкой произнесла:

— Сестрица Чжицю.

Е Чжицю подняла на нее глаза и улыбнулась:

— Тао Жань, разотри тушь.

— Я сама, — Линь Дунцин засучила рукава и перехватила палочку.

Е Чжицю покачала головой:

— Ты теперь хозяйка Виллы Пересекающихся Мечей, как ты можешь заниматься такими мелочами.

Линь Дунцин мягко улыбнулась:

— Какая бы то ни была мелочь, если она касается сестрицы Чжицю, в моем сердце она огромна, словно небо. Мало того, что я сделаю это, я доведу дело до того, чтобы ты осталась полностью довольна.

Е Чжицю на мгновение замерла, а затем улыбнулась:

— Язык без костей. Смотрю я на тебя: ты, хозяйка виллы, целыми днями крутишься вокруг меня — сопровождаешь на любование сливами, за картину, варишь вино и пишешь тушью. Не боишься, что люди станут судачить, будто ты забросила дела виллы?

— Я уже говорила: находиться рядом с тобой — это самое главное дело, ничто на свете с этим не сравнится. — Линь Дунцин отложила тушь и тихо посмотрела на Е Чжицю, и нежность в её глазах была очевидна без слов.

Тао Жань благоразумно удалилась. Заметив боковым зрением, что та прикрыла за собой дверь, Линь Дунцин наклонилась и легко коснулась губ Е Чжицю поцелуем, согнув глаза в полумесяцы.

Е Чжицю испуганно отпрянула, прикрыв губы рукой и широко раскрыв глаза.

— Не бойся, — нежно прошептала Линь Дунцин. — Я никогда не причиню тебе вреда. — Она протянула руку, ласково проводя по лицу Е Чжицю, и смотрела на нее с безумным обожанием.

Бай Цзиньжун стояла под карнизом, продрогшая до костей, потирая руки и притопывая ногами — сегодня её очередь была нести ночную стражу.

Она увидела идущую сюда со странным выражением лица Тао Жань и поспешно окликнула её:

— Сестрица Тао Жань, разве вторая госпожа не в комнате у госпожи? Почему ты вышла?

— Какая еще вторая госпожа, теперь она хозяйка виллы, говори тише, услышат — снова накажут, — поучительно бросила Тао Жань и, замявшись, с неудовольствием добавила: — Раз хозяйка в комнате у госпожи, мне там оставаться не положено.

— Почему не положено, ты же всегда прислуживала в комнате... — вторая половина фразы застряла в горле Бай Цзиньжун, и она слегка остолбенела.

Тао Жань задрала голову на сосульки, свисавшие с крыши, и лишь спустя долгое время произнесла:

— Боюсь, сегодня ночью хозяйка оттуда уже не уйдет.

Они простояли в молчании под карнизом довольно долго. Тао Жань собралась вернуться, и Бай Цзиньжун последовала за ней, как вдруг сквозь тонкую бумагу окна проступили силуэты двух обнимающихся фигур. Следом погас огонь свечи, погружая комнату в непроглядную тьму.

Тао Жань смущенно подула на озябшие руки и тихо сказала:

— Я иду к себе, на улице слишком холодно.

Бай Цзиньжун ошеломленно глядела на темные окна, даже не заметив, как ушла Тао Жань. Она тихонько подошла к самому окну и услышала доносившиеся изнутри приглушенные вздохи, а следом — неизменное бормотание Линь Дунцин:

— Чжицю, сестрица Чжицю.

Но в отличие от прошлых раз, на этот раз ей ответили:

— Дунцин, — это был голос Е Чжицю.

Бай Цзиньжун тихонько усмехнулась, оскалив зубы, но звук так и не сорвался с её губ. Раз они зашли так далеко, попытки искоренить одержимость Линь Дунцин теперь казались практически невыполнимой задачей.

Внезапно ей стало смертельно скучно. Задеревеневшими ногами она зашагала назад, задрав голову к ночному небу: проклятый Судья! Они любят друг друга, счастливы вместе, так какого чёрта надо было вмешиваться в чужие чувства?!

Разве её дело — лезть в это?

Эта жизнь окончательно истощила все душевные силы Бай Цзиньжуна. С того самого дня, как

она переступила порог Виллы Пересекающихся Мечей, у нее не было ни единого спокойного дня.

Как бы она ни старалась, изменить Линь Дунцин было невозможно.

В её голове промелькнула мысль: Линь Дунцин боготворила Е Чжицю больше десятка лет, и эта страсть вряд ли угаснет быстро...

Как она могла наивно рассчитывать сломить Линь Дунцин всего за один год?

Наверное, со временем — день за днем, год за годом — настанет день, когда Линь Дунцин сама оставит эту навязчивую идею.

С безжизненным выражением лица Бай Цзиньжун повернулась, наступила на камешек, из-за чего раздался отчетливый хруст, но она ни капли не испугалась — ведь Линь Дунцин не выйдет.

Даже если услышит, всё равно не выйдет.

Она устала. Устала настолько, что больше никогда не хотела видеть Линь Дунцин. Бай Цзиньжун медленно подняла голову — в глазах залегла ледяная пустота. Путь назад был отрезан.

Утром Е Чжицю проснулась в объятиях Линь Дунцин. Та прижимала ее к себе, как величайшее сокровище, её лицо было прекрасно, как картина, а на губах застыла мягкая улыбка.

Уже давно — невероятно давно — она не просыпалась вот так, в чьих-то объятиях. Е Чжицю ошеломленно смотрела на лежащего перед ней человека, но едва она шевельнулась, как Линь Дунцин тут же открыла глаза, крепче обвила ее руками, придвинулась ближе и поцеловала со словами:

— Сестрица Чжицю.

— Мм, — слегка покраснев, ответила Е Чжицю, опуская глаза.

— Я вчера не сделала тебе больно? — мягко спросила Линь Дунцин. — Я видела, что тебе тяжело, и старалась быть как можно нежнее.

Е Чжицю вспыхнула до самых корней волос и бросила на нее гневный взгляд:

— Бесстыдница.

Линь Дунцин нежно целовала её брови и глаза, перебирала пальцы, поднося к губам и целуя каждый кончик, словно держала в руках самое хрупкое сокровище на свете, полная безграничной нежности.

Е Чжицю чуть подобрала пальцы. Эта нежность казалась чересчур странной — Линь Цзяньхэн никогда так с ней не обращался.

Линь Цзяньхэн был одержим боевыми искусствами: кроме тренировок с мечом, его мало что интересовало, он редко уделял ей время, а по утрам неизменно вставал раньше всех, оставляя Е Чжицю просыпаться в одиночестве.

Раньше Линь Цзяньхэн тоже говорил с ней ласково, но никогда — вот так, будто она была драгоценностью, которую он прячет в ладонях и боится расплавить на языке.

— Не надо так со мной, я не привыкла, — смущенно пробормотала Е Чжицю, отдергивая руку.

— Со временем привыкнешь, — целуя её в ухо, низким голосом усмехнулась Линь Дунцин. Кончиком языка она прошлась по ушной раковине, не пропуская ни единого изгиба, добралась до мочки и слегка прикусила её губами: — Сестрица Чжицю, ты так вкусно пахнешь.

Уши Е Чжицю покраснели. Она попыталась отстраниться, но Линь Дунцин тут же притянула её ближе, заставив повернуться лицом к лицу, и, склонившись, накрыла её губы поцелуем, углубляя его. Язык Линь Дунцин скользнул за ряд белых зубов, сплетаясь с её языком в страстном, томительном танце.

Е Чжицю тихо задышала, слабо упершись ей в грудь:

— Хватит, пора вставать.

— Хорошо, — послушно отозвалась Линь Дунцин, чмокнула её в щеку и поднялась, чтобы одеться.

В дверь постучала Тао Жань и, внеся горячую воду, вошла внутрь. Е Чжицю с головой зарылась в одеяло, пылая лицом.

<http://bllate.org/book/21201/2145997>